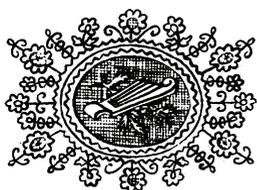


- Петрухин 2003 – Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М., 2003.  
Русская мифология. Энциклопедия. 2006 – Русская мифология. Энциклопедия. М.; Л., 2006. С. 589–599.  
Hakamies 2004 – Hakamies P. Pmarinen ja sepän sankaruus // Kalevala ja laulettu runo. Helsinki, 2004. S. 78.  
Harva 1943 – Harva U. Sammon ryöstö. Helsinki, 1943. S. 11.  
Kemppainen 1933 – Kemppainen E. Jumalan sukupuoli. Kuopio, 1933. S. 17.



М. В. Пулькин  
*Петрозаводск*

**Персонажи карельских эпических песен:  
функции творения**

Изучение стереотипов поведения и функций персонажей эпических песен с использованием фольклорного материала представляет серьезную сложность. Трудности связаны, прежде всего, со спецификой материала: на явные следы древнего мышления накладывается жизненный опыт и творческий потенциал сказителей XIX – начала и даже середины XX в. Древнейший пласт в карельском эпосе «не вытеснен, а переработан таким образом, что его основной пафос получил полное и совершенное поэтическое воплощение» [Мелетинский 2004: 95]. Другие проблемы связаны со спецификой источника. Известно, что герои эпических песен действуют в таком пространстве, где отсутствует или творчески вырабатывается по ходу развития сюжета представление о норме. Так, сватающийся к дочери старухи Лоухи Ильмаринен усердно кует Сампо (выкуп за невесту) и не ведает усталости:

Целый день ковал он Сампо,  
Ночью забавлял девицу.  
[КФНЭ: 145]

При этом основным нравственным ориентиром для них становится справедливость, которая также понимается своеобразно. В частности, оскорбление старшего по возрасту или социальному статусу,

нарушение вековых традиций рассматривается в эпических песнях как значительно более тяжкое преступление, чем убийство. В качестве преступников могут выступать не только люди, но и предметы, материалы (например, железо). Они, словно наделенные возможностью выбора, обвиняются в нарушении моральных норм, восстании против людей, бесчисленных злодеяниях. Примечательно, что способом обуздать агрессивность и кровожадность, приписываемые железу, становится напоминание о его бесславном прошлом, когда оно еще не было затронуто творением, не превратилось в окультуренный объект окружающего мира.

В литературе нередки суждения о том, что основным содержанием деятельности персонажей эпических песен стала война, противостояние темным силам (мужам страны Похьела) или еще каким-нибудь менее известным лицам или явлениям. Благодаря трудам Е. М. Мелетинского эти представления удастся пересмотреть. Персонажи эпических песен представлялись ему как демиурги, создающие природные и культурные объекты, устанавливающие социальные институты. Только они «обладают в глазах членов первобытной общины необходимой для героя свободой деятельности» [Мелетинский 1986: 22]. Основной пафос мифа, по мнению того же автора, заключается в «превращении хаоса в космос» [Мелетинский 1986: 24]. Такой космизацией хаоса и является процесс миротворения, включая сюда и добывание культурных благ, а также борьбу с хтоническими чудовищами. Итак, можно с уверенностью утверждать, что при всем разнообразии сюжетов эпических песен *главной целью деятельности их наиболее известных персонажей является творение*. При этом речь идет не о современном, «бытовом» понимании творческой деятельности как «создании чего-то нового», а о творении мира, начиная с самых основ бытия.

Основными персонажами-творцами в карельских эпических песнях являются Ильмаринен и Вяйнямейнен. По утверждению Е. М. Мелетинского, эти два персонажа конкурируют между собой, неоднократно противостоят друг другу (например, в сюжете о сватовстве). В то же время они являют собой примеры различных типов творения. Вяйнямейнен «как культурный герой выражает мощь коллективного труда (и пафос покорения природы), а Ильмаринен — в известной мере индивидуализированного, „профессионального“» [Мелетинский 2004: 129]. Резкое противопоставление этих двух персонажей представляется не вполне оправданным. Скорее всего, это

две ипостаси творца, культурного героя разных исторических периодов. Один связан с примитивным хозяйством ранней первобытной эпохи, а второй в большей степени отражает приоритеты того хозяйственного уклада, для которого более важным становится освоение первых технологий (в частности, кузнечного ремесла). При этом необходимо помнить, что и само кузнечное ремесло, подобно творениям Вайнямейнена, в архаическом сознании связывалось или даже отождествлялось с магией.

Карельские эпические песни не включают сюжетов *об обретении* героем исключительных сверхъестественных сил и умений, связанных с творением всего сущего. Это легко объяснить. Их персонажи как бы изначально готовы или даже предназначены к творению, а само создание новых явлений мифологической действительности происходит, как подчеркивалось выше, внезапно, в силу стечения обстоятельств. Главным *средством* творения, используемым персонажами рун, является слово, что, несомненно, сближает христианское и языческое (в данном случае карельское) миропонимание, а также присущие разным народам космогонические концепции. Но нередко персонажи эпических песен осуществляют творение и вполне обычным узнаваемым способом. Речь идет о создании чудесных снадобий, избавляющих людей от болезней, создании кантеле. Одним из важнейших достижений становится создание этических норм, ограничивающих эгоистические побуждения индивида:

Запретил старый Вайнямейне  
Предаваться трем порокам:  
На воде свистеть не надо,  
И на волнах петь нельзя.  
Старому – желать молодки,  
Восхищаяся красоткой.

[КФНЭ: 438]

Наряду с творением, в котором главную роль играют люди, в создании мира участвуют космогонические стихии, главной из которых, как и в мифах множества других народов, является вода. В то же время весь мир представляется исполнителям эпических песен рукотворным, созданным известными, мудрыми, прославленными персонажами *и потому* сакральным. По этой же причине мир вечен и неизменен в своих основах. Ведь современность, многие века после творения мира не породили равнозначных, столь же мудрых и могучих героев, а

это лишает новое время какого-либо права на изменение существующего порядка вещей.

Стало бы большой ошибкой отождествлять творение мира в эпических песнях с божественным творением в христианской религии, подчиненным определенному плану, закономерным, предполагающим не только напряженную «работу» создателя всего сущего, но и его отдых на седьмой день. Герои эпических песен творят неустанно, им не нужен отдых. В их деятельности наблюдается сочетание магии и работы в обычном понимании этого слова. При этом «магия Вяйнямейнена всегда только сопровождает, завершает, дополняет труд» [Мелетинский 2004: 108]. Но это всегда творение спонтанное, оно изначально стало их сущностью и не подчиняется рациональным планам. Его целью не является создание целостного мира, со строгой иерархией высших и низших существ, на вершине которой стоит человек.

Напротив, самые различные существа (в частности, утка) и стихии (прежде всего, вода) принимают участие, зачастую решающее, в тех или иных актах творения. Человек в этом творении не осознается венцом, скорее это такое слабое, отягощенное многочисленными страстями существо. Сталкиваясь с новшеством, возникшим независимо от него, мифический герой, такой, казалось, великий и могучий, теряется. Так, раненный железным топором Вяйнямейнен не знает средства исцеления от нанесенных железом ран и с большим трудом находит чудесного избавителя-лекаря из числа местных жителей. Ведь он, по сути дела, персонаж каменного века, и железо, связанные с ним опасности и возможности их предотвращения ему не знакомы.

*Цель творения* не осознается самими творцами. Ясно, что народное сознание во все времена сакрализует изобилие и достаток, сулящий благополучное будущее, и тем самым устанавливает почитание внешних сил благодати, в качестве которых выступают персонажи мифологии [Малиновский 1998: 44–45]. Это на первых порах создание мира, природы, а затем творение Сампо, которое стало символом неиссякаемого благополучия, источника разнообразных благ, связанных с деятельностью крестьянского хозяйства. Попытки современных ученых разобраться в облике Сампо, его предназначении и функциях обречены на неудачу. В конечном итоге Сампо является гарантией жизни людей, их коллективным достоянием, обеспечивающим долговременное выживание. Следовательно, борьба за Сампо является битвой за жизнь, в которой способность к творению становится решающим фактором.

В целом *творческий потенциал* является основным критерием для разграничения светлого и темного миров: Калевалы и Похьелы. Сами по себе эти миры не являются «злыми» или «добрыми» и никаких признаков особых замечательных свойств одного из миров и отрицательных качеств другого эпос не содержит. Более того, похищение различных предметов, предельная жесткость действий характеризует обе противостоящие друг другу стороны конфликтов. Так, услышав жалобу лодки на ее бесславную участь, отсутствие добычи и прозябание на берегу, Вяйнямейнен немедленно возвращает ей былое предназначение:

Берег шведский разорял он,  
Раздобыл добра он вдоволь,  
Золота собрал он кучу,  
Был тогда мужчиной лучшим.  
[КФНЭ: 205]

Однако способностью к творению персонажи из Калевалы и Похьелы наделены в разной степени. Это является *единственным* определенным и четким разграничительным признаком миров. Хозяйка Похьелы обращается к одному из персонажей-творцов для создания новой важной части рукотворного мира.

Созданное по ее воле (*можно сказать, по ее проекту*) Сампо является еще одним примером дуализма в творении всего сущего. Этот образ — один из самых загадочных в карельских эпических песнях. Его парадоксальность заключается уже в самом процессе изготовления. Ильмаринен кует Сампо по заказу старухи Лоухи — чуждого и враждебного персонажа, но не может изготовить Сампо для своего народа; вслед за сотворением Сампо похищают сами же его создатели. Вероятно, в первоначальных вариантах эпических песен Сампо просто похищают из иного мира, а попытки оправдать это похищение являются поздними интерпретациями действий героев мифов. Можно согласиться с Э. Киуру в том, что миф о Сампо является «бессознательно-художественной переработкой представлений о происхождении растительности, злаков, богатств морских глубин» [Киуру 1986: 72]. Однако это лишь частичная «расшифровка» этого сложного мифологического явления. Впоследствии Сампо, являющееся источником изобилия и долговременного выживания, вырывается из-под контроля людей и начинает действовать самостоятельно, реализуя заложенный в нем потенциал путем изменения природы (в частности,

вода в море становится соленой из-за непрерывного производства соли от потопленного Сампо). Так в образе Сампо в наибольшей степени проявилось присущее мифологическому сознанию отсутствие четкой грани между субъектом и объектом.

Образ Сампо позволяет определить границы творения и возможностей творца. Созданное вполне может выйти из-под контроля творца, обрести неожиданные предназначения и даже превратиться в противоположность задуманному. Сампо является здесь ярким, но не единственным примером. Особенно ощутимо ограничены пределы творения в создании людей. Намереваясь выковать совершенное человеческое существо, Ильмаринен использует лучшие, как ему представляется, материалы: золото и серебро. Но все усилия тщетны: невеста оказывается ледяной и лишенной разума. Родня советует посрамленному кузнецу посвататься к живой девушке.

Карельские эпические песни содержат огромное число сюжетов, проработанных в различной степени. В этом изобилии крайне трудно, а скорее всего невозможно отыскать общую канву, единые, выверенные критерии оценки поведения персонажей. Стало бы большой ошибкой сводить все сюжетные линии в одну колею, пусть и такую просторную, как творение. Однако этот элемент повествования является наиболее существенным, центральным, и поэтому он наиболее подробно разработан в данной статье. Вполне возможно предположить, что этот сюжет являлся самым существенным для исполнителей эпических песен. Ведь, по выражению М. Элиаде, «главная функция мифа состоит в том, чтобы задать образцы, модели для всякого ритуала и для всякого важного действия, совершаемого человеком» [Элиаде 1999: 373].

## Литература

Киуру 1986 – Киуру Э. Миф о Сампо // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск, 1986. С. 70–78.

КФНЭ – Карело-финский народный эпос. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1994.

Малиновский 1998 – Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998.

Мелетинский 1986 – Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.

Мелетинский 2004 – Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 2004.

Элиаде 1999 – Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.